

АННА СВИРЦИНЬСКАЯ

Стихи

о Варшавском восстании

*Перевод с польского Натальи Астафьевой **

Последнее польское восстание

Будем оплакивать
час когда все началось
час когда прозвучал первый выстрел.

Будем оплакивать те шестьдесят три дня
и шестьдесят три ночи сраженья.
И час
когда все кончилось.

Когда на место где жил миллион людей
пришла пустота по миллионе людей.

* Анна Свирциньская — Стихи о Варшавском восстании (*Перевод с польского Натальи Астафьевой. Послесловие Владимира Британишского*) // *Иностранная литература*, 1989, № 8, 108–117.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

Девушки с носилками

Маруте Стобецкой

Через груды развалин,
сквозь горящие арки ворот,
по мостовой, расстреливаемой пулями,
они бегут и несут на носилках
человеческие тела.

Их бессонные очи
ищут на баррикадах
тех, что пали.
Исхудавшие пальцы
поднимают из лужи крови умирающие головы.

А когда в них самих попадут,
умирая,
они будут с отчаяньем думать,
кто же дальше понесет носилки
под пулями.

Порадуемся

— Читали сегодня газетку, — говорит слесарь, —
весь мир идет нам на помощь,
через неделю все кончится, у моей старухи
именины, я приглашаю
весь дом на праздник,
— говорит слесарь.

Щенок

Когда утром он стал расставлять в подворотне
бутылки с бензином,
дворник ругался как бешеный.

Щенок
показал ему длинный язык.

Вечером принесли его солдаты,
он поджег танк.

Дворник, ругаясь потише, копал во дворе
небольшую яму для щенка.

После налета

Из груди рухнувших стен
торчит в небо
серая как стена
рука с пятью пальцами.

Господь Бог ее спас

Женщина умирала во дворе на матрасе,
в матрасе были спрятаны доллары.
Другая женщина сидела рядом,
ждала, когда же умрет.

Потом бежала с долларами по улице,
падали бомбы.
Она молилась: спаси меня, Господи Боже.

И Господь Бог ее спас.

Часом дольше

Памяти Станиславы Сверчиньской

Ребенку два месяца.
Доктор сказал:
без молока он умрет.

Мать пробирается целый день подвалами
на другой конец города.
В Чернякове
у пекаря есть корова.
Мать ползет на брюхе
среди развалин, грязи и трупов.

Приносит три ложечки молока.
Ребенок живет
часом дольше.

Мое смирение

Я падала на землю смирения
столь смиренная что невидимая
столь смиренная что меня не было
перед мученичеством
несоразмерным
которого не чувствовала себя достойной
даже быть очевидцем.

Я носила судна

Я была санитаркой в госпитале
без лекарств и без воды.
Я носила судна
с гноем, кровью и калом.

Я любила гной, кровь и кал,
они были живые, как жизнь.
Жизни было вокруг
все меньше.

Когда мир погибал,
я была лишь двумя руками, которые подают
раненому судно.

Когда солдат умирает

Возле его носилок
я стала на колени
куртку его целовала
говорила: ты такой красивый
можешь дать столько счастья
не знаешь сам сколько счастья
ты будешь жить мой красивый
мой храбрый.

Он улыбался и слушал
веки его слипались
он не знал что слова такие
говорят солдату
только когда он умирает.

Погребаю тело врага

Враг, ты тоже боялся,
хоть ты имел отличный автомат.
Страх в твоих глазах
умер позже, чем ты.

Многих людей убил твой автомат,
многих людей ты ставил к стенке,
но пришел черед и твоей
человеческой брэнности.

По тебе будут плакать дети,
ты был добрый
для своих детей.

Враг, я погребаю твое тело
в той земле, что запятнал ты кровью.
Она тебя примет,
как если б ты не был ее врагом.

Паника

Люди прибежали к офицеру,
жестикулировали, кричали, плакали.
— Клянемся Христовыми ранами, там шпионы.
У нас доказательства.

Офицер приказал расстрелять
шпионов. Лежали в ряд
отец, дочь, зять,
прижимались друг к другу
мертвые.

Прибежали другие люди.
Жестикулировали, кричали, плакали.
— Клянемся Христовыми ранами, ты приказал
расстрелять невинных.

Это уже конец

В ту ночь
все поняли, что конец.

Не осталось воды
и сил, чтобы воду искать,
три дня
как нет ни ложки ячневой каши,
бинты
смердят гноем и кровью,
глаза, неделю не спавшие,
закрываются даже
на боевом посту, под обстрелом,
ноги, волочившиеся по каналам,
тяжелы как камни,
пустой пистолет
падает из рук.

И поэтому, услышав на рассвете
грохот вражеских танков, идущих в очередную атаку,
поняли, что это конец.
Эту атаку
уже не отобьют.

Час позора

Когда он учил парней
как добывать у врага пулеметы
с одним пистолетом —
он шел первый.

Когда ж получил приказ научить их
как отдавать врагу
пулеметы добытые
ценою жизни товарищей —
струсил.

Последняя пуля в его пистолете
открыла ему путь к бегству
так он бежал от своих парней
и не было его с ними
в час позора.

Разговор с матерями

Он идет в неволю, словно тащит
на себе тела своих парней.
Он считает, шепотом считает
восемнадцатилетние имена,
очи матерей глядят в него.

— Твой сын погиб в бою за баррикаду,
которой нет, в бою за дом,
который рухнул и распался в прах.
Твой сын погиб в бою за тот квартал,
которого не существует.
За эти кирпичи, песок и пыль
отдали они свои тела живые.
Я их вел на смерть,
и я живу.

Немцы говорят: Быстрее, поручик,
быстрее шагай в неволю.
А он быстрее не может, он ведь тащит
тела своих парней.

Сказал: не плачь

Вошел с винтовкой
чтобы выгнать ее из дому.
Дом сожгут
ее в лагерь.

Ждал пока она застегнет
ремень рюкзака
смотрел как плачет
сказал: не плачь
молоденький немецкий солдат.

Мои вши

Я бегу по улицам трупов,
перепрыгиваю через трупы,
на груди под блузкой
шевелиются
теплые вши.

Только они и я живые,
это нас сближает.
Они мне дают свое шевеленье
в городе трупов,
где ничто уже не шевелится.
Слабые, как я,
хотят жить, как я.

Но когда я выберусь из города трупов,
когда живой человек
откроет мне дверь живого дома,
я швырну в огонь блузку вместе со вшами,
которые, как я,
хотели жить.

Удалось ему

*Проф. Владиславу Татаркевичу*¹

Старый человек
покидает дом, уносит книги.
Немецкий солдат вырывает книги,
швыряет в грязь.

Старый человек подымает,
солдат его бьет в лицо.
Старый человек падает,
солдат пинает его и уходит.

Старый человек
лежит в грязи и крови.
Чувствует под собой
книги.

¹ Владислав Татаркевич (1886—1980) — польский философ, историк философии, историк искусства.

Как кровь из артерий

Идут
улицами дорогами
везут раненых
ведут стариков
несут узлы и детей.

Идут
изредка кто-то оглянется
за спиною пылают тучи.

Идут
вытекают как кровь из артерий города.

Земля и небо

Такой был крик
кричали самолеты и огонь и отчаянье
кричало до облаков
воодушевление.

Теперь молчит
земля и небо.

Послесловие

Варшавское восстание 1944 года — одна из величайших трагедий в истории польского народа, одна из величайших трагедий человечества в XX веке. «На место, где жил миллион людей, пришла пустота по миллионе людей», — пишет Анна Свирциньская. Гибель двухсот тысяч жителей города (это столько же, сколько в Хиросиме и Нагасаки, вместе взятых), изгнание из города всех уцелевших, уничтожение самого города — таков был исход восстания.

Но история не любит отставать от Шекспира, и трагедию варшавян, трагедию поляков она сопровождала грубым фарсом политической игры, которую вели между собой «великие мира сего», члены так называемой «Большой тройки». Варшава была одной из карт в их игре. Страницы переписки Сталина с Черчиллем и Рузвельтом, вероятно, дополнятся еще неизвестными документами из архивов, какая-то подоплека, какие-то детали политических и военных решений Сталина и его партнеров по игре станут яснее, но главное ясно давно. Еще в Тегеране в 1943 году они договорились, что судьбу Польши и других «малых стран» решать будут не народы этих стран, а великие державы, то есть они трое.

Варшавское восстание было попыткой поляков решать свою судьбу самим. Попыткой, как сразу же оказалось, нереальной, отчаянной, трагической, приведшей к гибели сотен тысяч людей, но попыткой героической, позволившей польскому народу сохранить свое национальное достоинство. Героизм, готовность к самопожертвованию, мужество рядовых участников восстания — вот главное, чем вошло это событие в польское массовое сознание, сознание любого рядового поляка. Так показывает восстание и Анна Свирциньская.

Восстание было начато по решению командования Армии Крайовой. Эта подпольная военная организация, созданная в оккупированной Польше в 1942 году, подчинялась польскому эмигрантскому правительству, находившемуся в Лондоне. Но после гибели в 1943 году генерала Сикорского, соединявшего в этом правительстве власть премьера и главнокомандующего всеми вооруженными силами в Польше и на Западе, эти две функции были разделены между Миколайчиком и генералом Соснковским, отношения между которыми были напряженными. В этой ситуации командование Армии Крайовой оказалось предоставлено себе, то есть командующему АК генералу Коморовскому (псевдоним «Бур», отсюда — часто встречающееся «Бур-Коморовский»), другим генералам его штаба и полковнику Хрустелю (псевдоним

«Монтер»), командовавшему варшавским округом АК (в сентябре 1944 года, в ходе восстания, он был произведен в генералы).

Оторванное от своего правительства и от всего мира, свободное в своих решениях и действиях, командование АК было «свободно» и от необходимейшей информации. Впоследствии выяснилось, что в штабе АК к концу июля 1944 года не знали о Тегеранской конференции. Не знали о конфиденциальном разговоре Рузвельта с Иденом, где Рузвельт сказал, что с поляками он «торговаться» не собирается. И уж тем более не знали, что думает Сталин. Большинство руководителей АК было против того, чтобы вступать со Сталиным в какие бы то ни было переговоры. Психологически это понятно. Свежа была память о сентябре 1939 года, о последующих массовых депортациях поляков в СССР, а в апреле 1943 года, после известной публикации «Паризер цайтунг» о Катыни и заявления польского эмигрантского правительства по этому поведению, Молотов объявил о разрыве дипломатических отношений с польским правительством в Лондоне.

В Варшаве знали и просто видели в конце июля 1944 года, что гитлеровцы отступают, буквально бегут, слышали приближающийся гул артиллерии 1-го Белорусского фронта, совершившего прорыв глубиной 600 километров и докатившегося уже почти до Вислы, почти до Варшавы. 21 июля было принято решение о вооруженном восстании АК в Варшаве с целью овладеть столицей и организовать в ней свою администрацию до вступления в Варшаву советских войск. Решение о дате и часе выступления — 1 августа, 17.00 — было принято вечером 31 июля, под воздействием слуха (не подтвердившегося), будто советские танки уже подошли к Праге, правобережному предместью Варшавы. (На самом же деле утром 31 июля гитлеровцам, подбросившим сильные танковые резервы, удалось приостановить советское наступление, угрожавшее форсированием Вислы, последнего речного рубежа перед германской границей.)

Варшавские отряды АК, основная сила восстания, насчитывали около 50 тысяч человек, но за сутки удалось мобилизовать лишь половину их состава. Через несколько дней к восстанию присоединились варшавские отряды Армии Людовой — АЛ, военной организации подпольной Польской рабочей партии, то есть еще около 5 тысяч. Ряды повстанцев пополняло гражданское население. Повстанцам противостояло 50 тысяч гитлеровцев, прекрасно вооруженных, поддерживаемых артиллерией, танками и авиацией. Из повстанцев лишь около 10 процентов имели стрелковое оружие, патронов было на два-три дня боев, а против танков были только бутылки с бензином. Расчет был на внезапность. Уже к концу первого дня борьбы стало ясно, что

расчет не оправдался. Повстанцы овладели, правда, в результате первых четырех дней боев, большей частью территории города, но не удалось захватить вокзалы, аэродромы, мосты, многие командные пункты города, телефонную станцию.

С 5 августа, на пятый день боев, повстанцы перешли к обороне; с этого времени немецкие войска, получавшие подкрепления даже из Италии, поочередно осаждали, штурмовали и брали отдельные изолированные районы города, находившиеся в руках восставших. Из района в район можно было попасть лишь по городской канализационной сети (знаменитые «каналы»), приказы и донесения передавались связными, радиосвязь возможна была лишь через Лондон.

«Мы не одиноки!» — ободрял плакат, расклеенный по городу. На плакате был изображен бегущий в атаку солдат с автоматом в левой руке и с тремя знаменами в правой: советским, английским и американским. Автоматчики союзных держав действительно бежали в это время в атаку, тесня германский вермахт во Франции и на Балканах, но Варшава оставалась одинокой. Надежда командования АК на высадку в Варшаве десанта Польской парашютной бригады, входившей в состав Польских вооруженных сил на Западе, была одной из иллюзий. Англо-американская, а после 13 сентября и советская авиация сбрасывали повстанцам оружие, боеприпасы, продовольствие, но значительная часть сбрасываемых грузов попадала в распоряжение гитлеровцев.

14 сентября, когда восстание уже догасало, Прага, то есть правобережная Варшава, была взята войсками Рокоссовского, вместе с которыми шла 1-я Армия Войска Польского, сформированная в СССР, армия генерала Берлинга. Мосты через Вислу были взорваны гитлеровцами после отхода их частей. На правом берегу стояли и наблюдали за происходившим *там*, в Варшаве, войска 1-го Белорусского фронта. «На том берегу» — называется глава в поэме Давида Самойлова «Ближние страны» (1958). Советский разведчик Самойлов смотрит с другого берега. «Вижу все, а помочь не могу», — вспоминает он свои тогдашние переживания. «Сознание невозможности предпринять крупную операцию для того, чтобы выручить восставших, было мучительно», — вторит ему в своих воспоминаниях командующий фронтом маршал Рокоссовский. Дальнейшие публикации документов советских военных архивов, исследования историков помогут понять, была ли та невозможность, о которой говорит Рокоссовский, физической невозможностью для войск 1-го Белорусского фронта, измотанных боями, понесших огромные потери, далеко оторвавшихся от своих тылов, или же речь идет о невозможности для Рокоссовского предпринять крупную операцию

без указания Сталина. Позиция же Сталина ясна из его посланий Черчиллю. От 16 августа 1944 года: «...при создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской акции...»² Это желание «отмежеваться» было главным мотивом действий Сталина в августе — сентябре 1944 года на подступах к Варшаве. Впрочем, в сентябре Сталин разрешил самолетам союзников, летавшим на помощь Варшаве за пределами далеко от своих баз, так называемые «челночные полеты», то есть полеты с посадкой и дозаправкой на советских военных аэродромах. А в середине сентября рекомендовал провести «частную операцию по форсированию Вислы именно частями Берлинга». Небольшими силами. Несколько батальонов Берлинга, при поддержке советских инженерных частей, форсировали реку, но почти тут же, потеряв около 3800 человек убитыми, переправились обратно на правый берег.

63 дня Варшава, отрезанная от остальной Польши, сражалась против гитлеровской армии, в сущности, один на один. Восставшим удалось продержаться так долго лишь потому, что они выполняли свой долг «сверх обычных человеческих возможностей», как формулирует сдержанный в выражениях польский военный историк генерал Ежи Кирхмайер. Это относится и к женщинам (в варшавских отрядах АК их было более 4 тысяч), и к подросткам и детям.

О подростках и детях Варшавы 1944 года следует сказать особо. В годы оккупации продолжало существовать в подполье польское харцерство — молодежное движение. Один из историков восстания, Ян Цехановский, участвовал в восстании, будучи 14-летним подростком, и был дважды награжден тогда Крестом Храбрых. Другой участник и ныне историк восстания вспоминает, что самому младшему солдату восстания, которого он видел, было 8 лет. Памяти детей — героев восстания — поставлен памятник Маленькому Повстанцу на стене Старого Города в Варшаве.

В дни восстания сражались бок о бок коммунисты, социалисты, правые. Восстание приняло массовый национально-освободительный характер. Вновь ожили, еще раз, патриотические традиции восстаний 1794, 1830, 1863 годов. «Последним польским восстанием» называет Варшавское восстание 1944 года и Анна Свирщинская.

На самом высоком здании в городе — так называемом «небоскребе» — развевался польский национальный бело-красный

² «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М., 1957, т. 1, с. 257.

флаг. В Варшаве вещала польская радиостанция, выходили газеты, печатались плакаты, действовала полевая почта — ее разносили харцеры. Жители города строили баррикады, чтобы преградить путь немецким танкам, гасили зажигалки, создавали домовые и квартальные комитеты, самооборону, общественное питание, обеспечивали тыл восстания, организовывали повстанческие госпитали.

Свирщиньская правдиво воссоздает разные стороны жизни большого города в экстремальных условиях. Настроения, поведение, поступки отдельных людей были самыми разными, наряду с подвигами, энтузиазмом, героизмом, самопожертвованием были и спекуляция, и воровство, и эгоизм, и трусость, и апатия. Из мозаики миниатюр Свирщиньской складывается панорама и хроника Варшавы тех месяцев. Люди гибли под бомбежками и обстрелами, под развалинами рушащихся зданий, подвалы становились зачастую не убежищем, а братскими могилами, кончалось продовольствие, перестал действовать водопровод, рыли колодцы, в очереди за водой стояли по четыре часа. В больницах и госпиталях не было ни чистой воды, ни лекарств.

2 октября восставшие капитулировали. Повстанцы потеряли 16 тысяч убитыми, около 15 тысяч пошли в плен. Колоссальны были жертвы гражданского населения: 200 тысяч, а по некоторым оценкам — до 250 тысяч. Уцелевших жителей Варшавы гитлеровцы выгнали из города. Около 550 тысяч прошло через лагерь в Прушкове под Варшавой, откуда около 150 тысяч было выслано на принудительные работы в Германию, около 60 тысяч — в концлагерь. Уцелевшие здания города планомерно взрывались или сжигались. «Варшаву сровнять с землей», — гласил приказ.

«Варшавское восстание жжет нас, как открытая рана», — такими словами начинал в 1957 году свою книгу о восстании генерал Кирхмайер. В том же, 1957, году вышел на экраны фильм Анджея Вайды — «Канал». Этот фильм завоевал мировое признание и заставил заговорить о польском кино не только потому, что это был фильм о восстании, но и потому, что это был фильм большого художника. Тема оказалась ему по плечу. Анна Свирщиньская обратилась к этой теме значительно позже. «Мне было очень трудно, — признавалась Свирщиньская в 1973 году, — выразить переживания периода оккупации. Только теперь, тридцать лет спустя, я отважилась написать книгу стихов о Варшавском восстании».

Вышедшая в 1974 году, к 30-летию восстания (а впоследствии трижды переиздававшаяся, переведенная на другие языки), книга была оценена сразу. «Тридцать лет спустя после гибели нашего Илиона явился наконец в лице Свирщиньской — Гомер для нас,

для троянцев. Гомер троянцев наконец заговорил, выполнил вечное задание поэта: очистил совесть своего народа, позволил нам ощутить общенародный катарсис». Так писал о книге Свирциньской польский литературовед Стефан Мельковский сразу по ее выходе. Он назвал эту книгу «лирическим эпосом».

«Баррикада», — говорила Свирциньская в одном из интервью, — написана с позиции очевидца. Я рассказывала о том, что помню, что видела собственными глазами». Вот почему в заглавии книги — единственное число: «Я строила баррикаду». Хотя в заглавном стихотворении книги — множественное число: «Мы строили баррикаду».

Нам было страшно,
когда мы строили под немецким обстрелом
баррикаду
Владелец пивной, парикмахер, невеста ювелира,
все из трусливого десятка...

Первоначально это стихотворение так и называлось — «Нам было страшно». Под этим названием и публиковала свой перевод в «ИЛ» Наталья Астафьева, которой Свирциньская прислала в рукописи несколько стихотворений из будущей книги о восстании. Среди них были и «Двадцать моих сыновей»:

В моей палате —
двадцать солдатских животов.
Рваные, окровавленные,
они отчаянно бьются за жизнь...

В дни восстания (как и в дни обороны Варшавы в сентябре 1939 года) Свирциньская была санитаркой в варшавском госпитале. Госпиталь — центр изображаемого в стихах Свирциньской о войне и о восстании. Центр видимого и точка зрения, точка отсчета. Два американских профессора-слависта, переведившие стихи Свирциньской о восстании, сравнивают поэтику ее миниатюр с поэтикой Эдгара Ли Мастерса, автора знаменитых эпитафий «умершим из Спун-Ривер». В этом сравнении есть свой смысл, но мне лично «лазаретный реализм» Свирциньской приводит на память гуманистическую поэзию санитаря Уолта Уитмена и врача Уильяма Карлоса Уильямса.

В польской поэзии о второй мировой войне книга Свирциньской «Я строила баррикаду» уникальна, в творчестве же самой Свирциньской — это одна из ее вершин. Другой вершиной были ее стихи двух предыдущих книг — «Ветер» (1970) и «Я —

баба» (1972). Десятка полтора стихотворений из этих книг (а также три стихотворения в прозе из книги 1958 года) печатались в уже упомянутой публикации «ИЛ» шестнадцать лет назад, а в предисловии к своим переводам Наталья Астафьева довольно подробно рассказала тогда биографию Свирциньской. Напомню вкратце лишь основные вехи.

Начинать теперь приходится с того, что осенью 1984 года, после тяжелой болезни, Свирциньская умерла в возрасте семидесяти пяти лет. Здесь, как никогда, уместно слово «безвременно», потому что именно последние пятнадцать лет жизни были для Свирциньской временем наивысшего творческого взлета.

Родилась она в 1909 году в Варшаве в семье художника Яна Сверчиньского, художника «немодного», как подчеркивает она в стихах о нем, и всю жизнь бедствовавшего, персональную выставку отца ей удалось организовать лишь после его смерти. Жили в мастерской. Единственная лампочка «горела высоко под потолком, рядом с крюком, на котором предыдущий жилец, тоже художник, повесился от голода и нужды». Зарабатывая уроками на хлеб, Свирциньская окончила гимназию, где училась бесплатно («по милости и великодушию директорши», как она вспоминает) и поступила в университет. Снова уроки. Университет окончила в 1932 году. Работала редактором детского журнала. Перед войной, в 1936 году, опубликовала книгу стихов и стихотворений в прозе. Между госпитальной осенью 1939 года и госпитально-баррикадной осенью 1944 года жила в оккупированной Варшаве, перебивалась, как могла, «чтобы обеспечить себе и близким хотя бы жалкое существование». Но жизнь варшавян не была только «жалким существованием», в ней были подпольный университет, подпольные издания антологий поэзии, подпольные журналы, подпольные конкурсы на лучшую пьесу. На таком конкурсе получила одну из первых премий поэтическая драма Свирциньской «Орфей», в послевоенные годы ее ставили крупнейшие польские режиссеры.

В октябре 1944 года кончилась первая, варшавская половина биографии Свирциньской. После подавления Варшавского восстания, когда ее, как всех уцелевших жителей, выгнали из родного города, она добралась до Кракова и с тех пор жила и работала там.

Переиздают же ее теперь и в Кракове, и в Варшаве, и в других городах Польши. Переводят и в Англии, и на континенте, и за океаном.

Владимир Британишский

Об авторах

АННА СВИРЦИНЬСКАЯ (ANNA ŚWIRSZCZYŃSKA; 1909—1984) — польский поэт и драматург. Автор сборников «Стихи и проза» (“*Wiersze i proza*”, 1936), «Стихотворения» (“*Liryki zebrane*”, 1958), «Черные слова» (“*Czarne słowa*”, 1967), «Ветер» (“*Wiatr*”, 1970), «Я — баба» (“*Jestem baba*”, 1972), «Я строила баррикаду» (“*Budowałam barykadę*”, 1974), «Счастливая, как собачий хвост» (“*Szczęśliwa jak psi ogon*”, 1978), «Страдание и радость» (“*Cierpienie i radość*”, 1985; посмертно). Публиковались также ее пьесы и книги для детей. По-русски подборка стихотворений Анны Свирциньской напечатана в «*Иностранной литературе*» (1973, № 10).

Стихи о Варшавском восстании и фотография Ежи Томашевского публикуются по изданию: “*Budowałam barykadę*”. Warszawa, Wydawnictwo Literackie, 1984.

АСТАФЬЕВА НАТАЛЬЯ ГЕОРГИЕВНА — советский поэт и переводчик с польского. Автор сборников стихов «Девчата» (1959), «Гордость» (1961), «Кумачовый платок» (1965), «В ритме природы» (1977), «Любовь» (1982), «Заветы» (1989). В ПНР издана книга ее избранной лирики (1963). В «ИЛ» публиковались переводы Натальи Астафьевой из К. Иллакович, М. Павликовской, Я. Ивашкевича, А. Свирциньской, Т. Новака, Е. Харасымовича, Х. Посвятовской, Э. Липской и др. Ее переводческая деятельность отмечена польской премией ЗАИКС.